

Новый курс: стратегия прорыва



УДК 338.1 (470+571)

В настоящем докладе предлагается системный, прагматичный и творческий подход к анализу состояния и перспектив развития российской экономики в условиях глобальной нестабильности.

Этот подход отличает понимание экономической реальности во всей ее сложности, характеризующейся нелинейностью, неравновесностью и неопределенностью процессов социально-экономического развития, знанием их закономерностей. На основе его применения авторы разработали предложения по осуществлению целостной системы мер государственной политики развития и модернизации экономики на передовой структурно-технологической основе, реализация которой позволит ускорить темпы экономического роста и перейти на инновационный путь развития.

Ключевые слова

Стратегия развития российской экономики, технологическая модернизация, технологические уклады, инвестиции, научно-техническое прогнозирование.

Автор

Глазьев Сергей Юрьевич — советник Президента Российской Федерации по вопросам региональной экономической интеграции, академик РАН.

Цели и задачи стратегии

Стратегия развития российской экономики, ее перевода на инновационные рельсы развития, подъема инвестиционной активности, другие меры ухода от нефтяной зависимости многократно декларировались на высшем уровне государственного управления и в программных документах органов государственной власти. Однако при отсутствии адекватных методов проведения экономической политики достичь этой цели в поставленные сроки не удастся.

Вместе с тем запрос на формирование «субъекта национального развития» крепнет — люди ощущают дух времени, тесную связь их собственного бытия и сознания с мировым и российским общим бытием и сознанием (тем, что В. Вернадский назвал ноосферой). В общем комплексе проблем политики, экономики, демографии, экологии, семьи и общества необходимо начать с осмысления ситуации, с выработки Стратегии устойчивого развития. Но не со стабильности «любой ценой» (настрой «лишь бы не было войны» был присущ позднесоветскому человеку), что невозможно в современном мире, находящемся на пределе возможностей природы и человека, а устойчивости в процессе созидания (в том числе и «разрушительного созидания», чем являются инновации), общего и индивидуального творчества. И мы начинаем построение этой стратегии с экономики — сферы, в которой происходит битва за конкурентоспособность и ресурсы для развития страны.

Несмотря на усталость от обещаний, от интеллектуального бессилия импортных моделей и подходов, мы убеждены, что цели перевода экономики на инновационный путь развития

и подъема инвестиционной активности должны и могут быть достигнуты в течение 5–10 лет. А задачи модернизации экономики с достижением мирового уровня конкурентоспособности и технологического развития могут быть реализованы поэтапно в течение 15–20 лет. Первые значимые результаты технологической модернизации могут быть получены уже через 3–5 лет.

При этом главной задачей социально-экономической политики должно стать достижение значимых результатов, а не только создание благоприятных условий для осуществления модернизации в расчете на автоматическое действие рыночных механизмов.

Меры по преодолению последствий глобального кризиса должны быть согласованы со стратегическими задачами социально-экономического развития.

Создание таких условий можно рассматривать в качестве промежуточной (инструментальной) цели социально-экономической политики, но не как критерий ее успешности. При этом цели проведения институциональных реформ и социальной модернизации не должны подменять собой цели структурно-технологической модернизации, определяющей технический уровень и эффективность экономики. При всей важности институциональных реформ ключевым условием успешного развития российской экономики является создание технологически передовой перерабатывающей промышленности с мощным экспортным потенциалом — высокотехнологичные и инновационно-активные компании должны получать основную часть доходов от продажи высокотехнологичной продукции.

Пора оставить «прокрустово ложе» монетаристских подхо-

дов, когда все стимулы и ограничения развития сводятся к наличию (отсутствию) денег, к формированию кубышки (резервных фондов где-то за бугром). Надо вспомнить собственный опыт запуска крупных проектов, начиная с плана ГОЭЛРО (придуман еще в царской России), строительства индустриальной экономики в 1930-х и ее воссоздания в 1940-х, атомной и космической программы 1950-х и 1960-х, освоения нефтегазовых месторождений Севера и трубопроводов в Европе в 1970-х.

Успех страны был всегда связан с созиданием, применением новейших достижений науки и техники, творчеством управленцев и широких народных масс.

Такая стратегия прорыва нужна нам и сегодня.

Чтобы добиться значимых успехов в проведении структурно-технологической модернизации, политика и государственное управление развитием экономики должны осуществляться системно, прагматично и творчески, без искусственного сужения области возможных мер надуманными правилами, теоретическая обоснованность и практическая применимость которых в российских условиях весьма сомнительна. В частности, речь идет о таких требованиях, как бездефицитность бюджета, отмена экспортных пошлин и других протекционистских институтов, отказ государства от владения предприятиями или их акциями, стерилизация «избыточной» денежной массы, невозможность эффективного использования инструментов регулирования цен, валютный контроль, целеориен-

тированная кредитная политика и многие другие догмы рыночного фундаментализма, основанные на поверхностной убежденности их адептов в стремлении экономики к идеальному состоянию рыночного равновесия, в котором достигается максимум эффективности благодаря оптимальному использованию ресурсов.

И хотя в теории и на практике давно доказана неадекватность аксиом, лежащих в основе этого подхода (а следовательно, и вы-

ского развития, знанием их закономерностей.

При таком подходе предъявляются высокие требования к обоснованию решений, которые должны приниматься не на основании идеологических установок, мало пригодных в условиях России, игнорирующих реальные обратные связи и закономерности поведения экономических систем, а исходя из сценарного моделирования вероятных последствий принимаемых реше-

ки, неразрешимым в рамках политики рыночного фундаментализма.

При разработке и реализации Стратегии прорыва требуется совместить глубокий научный (академический) подход с практическим опытом, трезвым расчетом, социальным и политическим чутьем. Требуются своего рода «чувство времени», а также «ответственность за пространство» тех крайне серьезных решений, которые предстоит принять всем нам и нашей стране в целом.

Оказались разрушены старые и не были созданы новые механизмы расширенного воспроизводства реализации результатов НИОКР.

водов, полученных с их использованием), свойствам реальной экономики, он продолжает использоваться в качестве обоснования устранения государства от решения задач развития экономики. Следствием такого подхода неизбежно становятся систематические ошибки в экономическом прогнозировании, неверная постановка задач реформирования экономики, провалы в достижении декларируемых целей, примитивизация структуры и деградация технического уровня экономики, утрата ею целостности и распад на фрагменты, поглощаемые более организованными внешними структурами. Пора забыть импортное слово «реформы» и вернуться к задачам развития.

Лучших представителей отечественной науки (В.И. Вернадский, Д.И. Менделеев, Н.Д. Кондратьев и В.В. Леонтьев, Л.В. Канторович и А.И. Анчишкин) всегда отличало понимание экономической реальности во всей ее сложности, характеризующейся нелинейностью, неравновесностью и неопределенностью процессов социально-экономиче-

ский в сопоставлении с заданными целями. Применение такого подхода является залогом успешности политики социально-экономического развития в условиях сохраняющейся нестабильности и крупномасштабных структурных изменений мировой экономики.

В мировой экономике надвигается «девятый вал», а наши капитаны из правительства и их помощники из «лоцманской команды» предпочитают исходить из того, что вот-вот все утихнет и «будет как всегда». А если уже не будет? Надо быть готовым ко всему в этом новом дивном мире, перегруженном долгами и дисбалансами, в мире, где отсутствует четкое понимание того, «куда ж нам плыть»!

Исходя из прогноза глобальных экономических изменений и анализа состояния российской экономики, нужно четко определить перспективные направления ее развития и меры по их реализации, создать необходимые для этого условия. При этом основное внимание требуется уделить ключевым проблемам развития российской экономи-

Россия несколько раз в своей истории, всегда после мучительного провала, смуты и заглядывания в бездну исторического небытия мобилизовывала все свои силы и совершала, казалось бы, невозможное, открывая себе и миру новые горизонты исторического творчества. «Золотой» XIX век, «серебряный век» рубежа столетий, эпоха русского космизма середины XX столетия — все это достойный вклад в мировую сокровищницу.

После поражения советской империи в холодной войне, распада страны, 20-летия бури, натиска и некоторого «прихода в себя» наступает время для очередного прорыва.

Авторы Стратегии прорыва, много лет являясь академическими учеными, вместе с тем имеют разносторонний опыт в политике, бизнесе, руководстве крупными коллективами. Поэтому Стратегия учитывает не только сложность и комплексность предлагаемых мер, но и их реализуемость, включая создание необходимой «Коалиции успеха» из заинтересованных в прорыве к общему желаемому «Образу России» самых разных политических, предпринимательских и общественных сил.

Мы совершенно уверены в том, что без выработки стратеги-

ческого понимания на стыке науки, государственного управления и социальной практики не может быть движения вперед.

Состояние и перспективы развития российской экономики в условиях структурных изменений глобальной экономики

Восстановление докризисных объемов производства в российской экономике не сопровождается пока ее модернизацией и преодолением структурных ограничений дальнейшего роста. Происходивший в предкризисное десятилетие рост без развития на оставшемся после «реформаторских» 1990-х годов производственно-технологическом потенциале себя полностью исчерпал, его возобновление не может быть длительным и устойчивым. Об этом свидетельствует опыт посткризисного восстановления промышленного производства, которое в отраслях обрабатывающей промышленности характеризуется быстрым ростом цен при вялом оживлении производства продукции — ее объем еще не достиг предкризисного уровня.

Для преодоления структурных ограничений экономического роста необходима кардинальная активизация инвестиционной и инновационной деятельности, что невозможно без поддержания темпов экономического роста на уровне не ниже 8% ежегодного прироста ВВП, 10% — промышленного производства, 15% — инвестиций в основной капитал, 20% — расходов на НИОКР. При этом опережающими темпами должны развиваться инновационный и инвестиционный сектора российской экономики. Инвестиции формируют как само пространство экономического роста, так и материальные предпосылки эффективного развития.

Необходимость повышения темпов роста российской экономики определяется не стремлением догнать другие страны, а логикой создания фундаментальных предпосылок активизации инвестиционных и инновационных процессов для осуществления структурно-технологической модернизации



в целях расширения возможностей социально-экономического развития в долгосрочной перспективе. При этом уникальность нынешней ситуации состоит в том, что благодаря относительно высокой норме сбережения в ВВП объем капиталовложений можно поднять в полтора раза, не снижая уровня потребления.

Но это «окно возможностей» быстро закрывается, наши граждане приучаются, как во всем мире, жить в долг, не особенно задумываясь о завтрашнем дне.

Однако для инвестиционного прорыва государство и бизнес должны перестать обескровли-

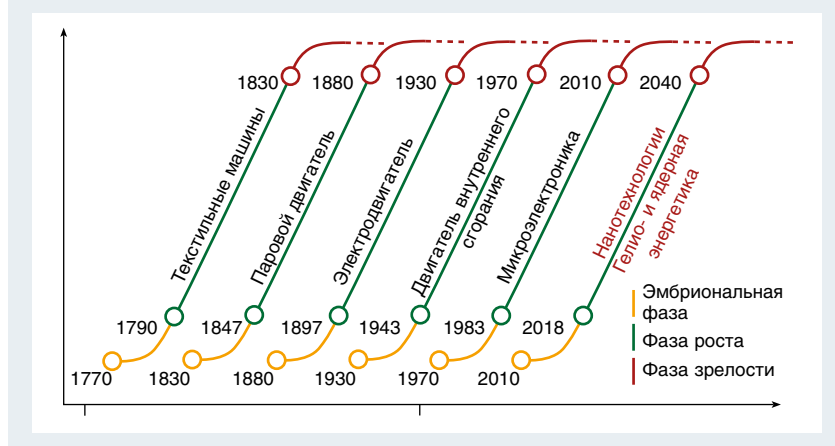
вать экономику, вывозя и складывая в практически бездоходных западных финансовых инструментах сотни миллиардов долларов (притом что бизнес потом занимает их на мировом рынке уже под реальные 6–9% годовых). Корабль с такими дырами ниже ватерлинии далеко не уплывет! Особенно когда все

сделки и споры между членами его команды решаются в чужой юрисдикции. Офшоризация прав собственности и правоотношений становится особенно опасной в период глобальной нестабильности, начавшейся в западных странах, а также в рамках борьбы Совета по финансовой стабильности, G-8 и G-20 с «налоговыми райками» и международными коррупционными потоками.

Политика модернизации и развития российской экономики должна исходить из четкого понимания структурных изменений и перспектив глобального социально-экономического развития и выявления нацио-

Рисунок 1

Смена технологических укладов в процессе глобального экономического кризиса



Источник: Нанотехнологии как ключевой фактор нового технологического уклада в экономике / Под ред. Глазьева С.Ю. и Харитоновой В.В. М.: Товарищ, 2009

нальных конкурентных преимуществ, активизация которых способна обеспечить устойчивый и быстрый рост производства на формирующейся новой волне экономического подъема. Меры по преодолению последствий глобального кризиса должны быть согласованы со стратегическими задачами социально-экономического развития.

Пока этого не происходит: огромные расходы на реализацию антикризисных мер не были увязаны с реализацией Концепции долгосрочного развития.

Сохраняющаяся неустойчивость глобальной финансовой системы и неопределенность в отношении ее будущей архитектуры, турбулентное состояние мирового финансового рынка, а также сокращение имеющихся у государства ресурсов затрудняют решение стратегических задач, которые откладываются до возобновления устойчивого экономического роста. Следствием этого становится стагнация инвестиционной активности и концентрация усилий на решении текущих проблем поддержания потребления и жизнеобеспечения населения. Такой подход не по-

зволяет устранить структурные ограничения экономического роста.

Оценивая перспективы мирового экономического развития, необходимо исходить из понимания структурной составляющей кризиса, которая определяется сменой технологических укладов и соответствующих им длинных волн экономического роста (рис. 1). Выход из этого кризиса связан со «штормом» нововведений, прокладывающих дорогу становлению нового технологического уклада. Хотя в начале года в ведущих странах мира восстановился докризисный уровень экономической активности, объемы промышленного производства в большинстве развитых стран далеки от восстановления и демонстрируют неустойчивую динамику. Так будет продолжаться до возникновения устойчивых кластеров производств нового технологического уклада, рост которых выведет экономику из турбулентного состояния на траекторию устойчивого роста. При этом изменится не только технологическая структура экономики, но и ее институциональная система, а также состав лидирующих фирм, стран и регионов.

Преуспеют те, кто быстрее сможет выйти на траекторию роста нового технологического уклада и вложиться в составляющие его производства на ранних фазах развития. И, наоборот, по мере формирования новых технологических траекторий вход на них будет становиться все дороже.

В настоящее время новый технологический уклад переходит из эмбриональной фазы развития в фазу роста (рис. 2). Его расширение сдерживается как незначительным масштабом и неотработанностью соответствующих технологий, так и неготовностью социально-экономической среды к их широкому применению. Однако, несмотря на кризис, расходы на освоение новейших технологий и масштаб их применения растут в передовых странах с темпом около 35% в год. Фондовые индексы высокотехнологических компаний растут быстрее средних показателей. Кризис закончится переток значительной части оставшегося после коллапса финансовых пузырей капитала в производство нового технологического уклада.

После структурной перестройки экономики ведущих стран на его основе, которая продлится еще 3–7 лет, начнется новая длинная волна экономического роста. При этом баланс негативных и позитивных эффектов будет определяться скоростью роста новых производств, компенсирующих сжатие устаревающей части экономики.

Где в системе координат «глобальной конкурентоспособности» находится Россия?

Вследствие длительного периода деградации обрабатывающей промышленности в мировом разделении труда Россия стала играть роль сырьевого придатка или поставщика сырья для

относительно развитых стран. Ее доля в мировом экспорте товаров составляет всего 2,5%, а на рынках высокотехнологичной продукции — около 0,2%. Недопустимо низким остается уровень инновационной активности: в инновационные процессы вовлечено лишь около 10% предприятий. На исследования и разработки Россия тратит вчетверо меньше средств, чем Китай, и в 40 раз меньше, чем США и их союзники (страны НАТО, Республика Корея, Япония и Израиль).

Намеченный в Концепции долгосрочного развития рост доли расходов на исследования и разработки в ВВП до 2–3% только к 2020 г. совершенно недостаточен. России следует ориентироваться на страны — технологические лидеры, в которых опережающим образом развиваются наукоемкие отрасли экономики, генерирующие возрастающую интеллектуальную ренту, большинство предприятий демонстрирует инновационную активность, а три четверти государственных расходов тратится на поддержание и стимулирование процессов социально-экономического развития.

В своем нынешнем состоянии российская экономика, несмотря на еще значительный научно-технический потенциал, не может воспользоваться открывающимися возможностями подъема на новой волне экономического роста. В ре-

кредитов повлекла за собой невосребованность отечественного инвестиционного и инновационного потенциала. Происходит переориентация инвестиционной активности на импортную технологическую базу, что не только влечет за

Общий объем залогового обеспечения, который принимается Банком России, в настоящее время составляет порядка 3,5 трлн руб., что меньше 10% активов банковской системы.

зультате затяжного экономического кризиса 1990-х годов оказались разрушены старые и не были созданы новые механизмы расширенного воспроизводства реализации результатов НИОКР.

В производственных инвестициях почти прекратилось взаимодействие разработчиков новых технологических решений и потенциальных инвесторов.

Возникшая в то же время возможность импорта современных технологий за счет предоставления инвестиционных

собой угрозу утраты способности экономики страны к самостоятельному воспроизводству, но и втягивает ее в механизмы неэквивалентного внешнеторгового обмена. Инновационный и инвестиционный сектора российской экономики нуждаются в реанимации, предполагающей восстановление процесса исследований и разработок, доведение созданных заделов до стадии производства, восстановление связей с поставщиками комплектующих и других элементов научно-производственного цикла.

Другой особенностью российской экономики, затрудняющей ее модернизацию, является глубокая технологическая неоднородность, которая проявляется в форме значительной дифференциации показателей доходности разных отраслей экономики. В условиях рынка низкая доходность большинства отраслей обрабатывающей промышленности, включая ее высокотехнологичный сектор, создает барьер на пути структурно-технологической модернизации экономики, преодоление которого невозможно без проведения активной государственной политики. Запаздывание с переходом к такой политике влечет за собой нарастающее отставание российской экономики в становлении нового техноло-

Рисунок 2





гического уклада, рост которого будет определять развитие мировой экономики в 20-летней перспективе.

Имеющийся в России объем национального богатства, сохранившийся научно-производственный и интеллектуальный потенциал позволяют воспользоваться открывшимися в условиях глобального кризиса возможностями для прорыва к новой волне экономического подъема. Именно в этот период глобального структурного кризиса у стран, отставших от лидеров глобальной экономики, появляется реальный шанс для совершения экономического чуда (быстрого подъема к уровню развитых стран) за счет опережающего развития ключевых производств и факторов нового технологического уклада. Для этого, как показывает мировой опыт преодоления аналогичных структурных кризисов в 1970-е и 1930-е годы, требуется достаточно мощный инициирующий импульс обновления основного капитала на принципиально новой технологической основе (см. рис. 1).

Опыт подобных прорывов в новых индустриальных странах, послевоенной Японии, современном Китае, да и в нашей стране свидетельствует о том, что требуемое для этого наращивание инвестиционной и инновационной активности предполагает повышение нормы накопления до 35–40% ВВП и ее концентрации на прорывных направлениях глобального экономического роста.

Чтобы удержаться на гребне новой волны экономического роста, инвестиции в развитие производств нового технологического уклада должны увеличиваться ежегодно не менее чем в 1,5 раза, доля расходов на НИОКР в ВВП должна достигнуть 4%.

Выход на эту траекторию развития не сможет обеспечить инерционная модель экономического роста, которую реализует Правительство РФ, а также действующая пассивная (импортная) модель кредитно-денежной политики Центрального банка, который эмитирует рубли не под активы и потребности развития отечественной экономики, а под приток-отток внешнего капитала, удовлетворяя, по сути, только потребности мировой экономики в России, выступающей в роли сырьевой кладовой и страны для абсорбации части перенакопленного (спекулятивного) капитала.

Следует констатировать, что необходимый для этого уровень инвестиционной и инновационной активности как минимум вдвое превышает имеющиеся возможности сложившейся в России финансово-инвестиционной системы. Главным ограничителем развития российской экономики в течение всего постсоветского периода была волюнтаристская политика количественного ограничения денежного предложения (денежной базы) Центральным банком (ЦБ).

Банк России в условиях относительного уменьшения притока капитала извне в 2012 г. заместил валютный канал денежного предложения более современными каналами рефинансирования краткосрочной ликвидности — операциями РЕПО и кредитованием банков под нерыночные активы и поручительства (всего — до 2,5 трлн руб.). Однако данное замещение носит вынужденный характер и практически не влияет на размер долгосрочных кредитных ставок в экономике, которые на 5–10% превышают краткосрочные ставки. Это означает, что основное внимание Банк России должен уделять не решенным задачам (краткосрочной ликвидности), а вопросам обеспечения долго-

срочной устойчивости финансовой системы.

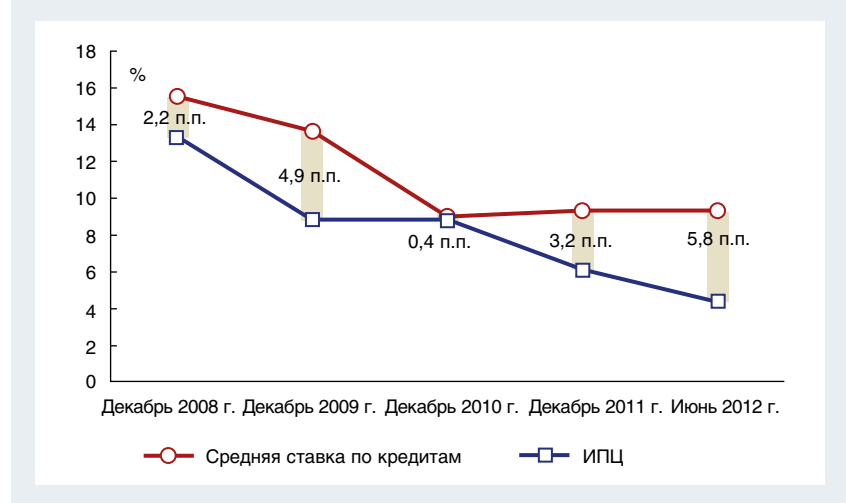
Общий объем залогового обеспечения, который принимается Банком России в настоящее время (ломбардный список), составляет сегодня порядка 3,5 трлн руб., что меньше 10% активов банковской системы. Это ограничивает возможности банков в сфере рефинансирования кредитования экономики, формируя ту разницу между долгосрочными и краткосрочными ставками, которая резко снижает спрос предприятий на кредиты (поскольку ставки превышают уровень рентабельности многих секторов экономики), в целом повышая уровень системных (процентных, кредитных и валютных) рисков в финансовой системе страны.

При этом расширение ломбардного списка может быть достигнуто как путем расширения состава принимаемых ЦБ РФ рейтингов (требуется утвердить единые методические подходы к рейтингованию с тем, чтобы кроме международных рейтингов принимались оценки ведущих российских рейтинговых агентств), так и путем перехода на предусмотренные новыми международными стандартами (Базель-3) внутренние методики рейтингования заемщиков коммерческими банками с признанием их Банком России. Это позволит оптимизировать нагрузку дивизионов Банка России, отвечающих за операции на открытом рынке и за системный надзор за рисками в банковской системе и отдельных банках.

Банк России уже начал применять подобные современные подходы, которыми руководствуются центробанки ведущих стран ОЭСР, принимая от банков кредитные требования (нерыночные активы и поручительства) в качестве обеспечения. Однако в эту систему не входят банки и институты разви-

Рисунок 3

Ставка по кредитам нефинансовым организациям и уровень инфляции (ИПЦ) в России



Источник: Банк России

тия, кроме того, ее мощность (до 500–700 млрд руб.) и срок предоставления ликвидности (до одного года) пока явно не соответствуют потребностям развития экономики.

Сегодня даже лучшие отечественные заемщики платят по кредитам 10–12% годовых и выше, что ставит их в заведомо худшее положение по сравнению с мировыми корпорациями (им привлечение капитала стоит от 1 до 2–3% годовых).

Эта политика Банком России проводится последние 20 лет. В результате такой денежной политики возможности финансовой сферы по финансированию накопления капитала, в том числе путем привлечения сбережений населения и предприятий, оказались искусственно сужены, а норма накопления оставалась в полтора раза меньше нормы сбережений. Эти возможности не отвечали потребностям модернизации реального сектора, прибыльная часть которого в отсутствие механизмов рефинансирования из внутренних источников переориентировалась на внешние источники кредитов, а оставшая перешла в режим проедания основного

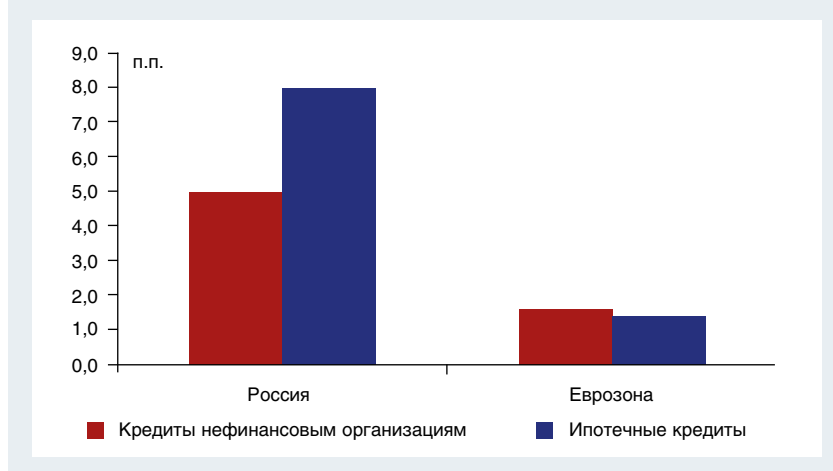
капитала. Политика стерилизации избыточных доходов фактически означала обмен дешевых «длинных денег» государства на дорогие краткосрочные кредиты иностранных банков. Чистый ущерб от такой политики измерялся десятками миллиардов долларов в год, не говоря об упущенной выгоде от искусственного замораживания инвестиционной и инновационной активности.

Ограничительная политика Банка России влечет за собой вытеснение российских банков с кредитного рынка и втягивание российской финансовой системы в ловушку внешней финансовой зависимости.

На фоне продолжительного удержания процентных ставок эмитентами мировых валют в отрицательной зоне снижение уровня инфляции в России в последние годы не приводит к снижению процентных ставок. Если в декабре 2010 г. разница между ставками по кредитам и уровнем инфляции в годовом выражении составляла 0,4 п.п., то в июне 2012 г. она достигла 5,8 п.п. В целом за эти полтора года уровень инфляции в годовом выражении снизился с 8,8 до

Рисунок 4

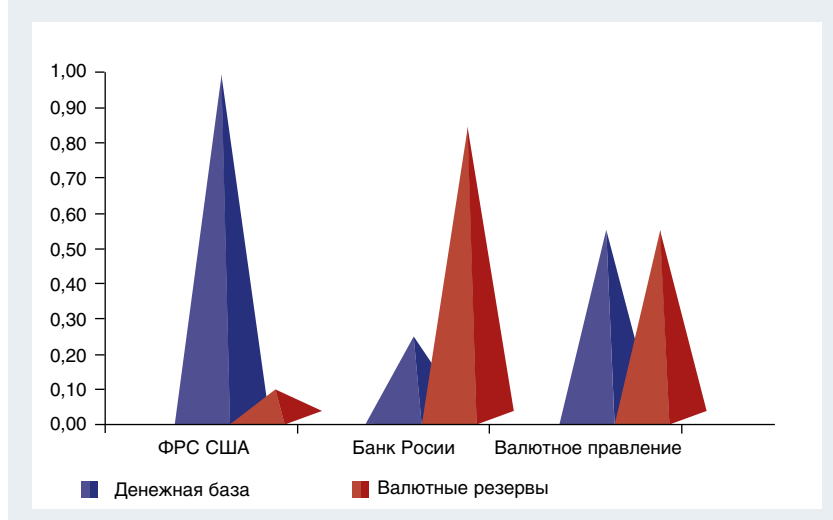
Разница между ставками по кредитам и уровнем инфляции в июне 2012 г., Россия и еврозона



Источники: Банк России, ЕЦБ

Рисунок 5

Соотношение денежной базы и валютных резервов при разных способах денежной эмиссии



Источники: С.Ю. Глазьев, Центральный Банк Российской Федерации, Федеральная резервная система

4,3%, но ставка по кредитам выросла с 9,2 до 10,1% (рис. 3).

Разница между ставками по кредитам и уровнем инфляции в России остается значительно выше показателей европейских стран. Например, разница между процентной ставкой по ипотечным кредитам, выданным в июне 2012 г. в России, и уровнем инфляции составляет 8,0 пункта, в то время как в еврозоне эта разница составляет лишь 1,4 пункта (рис. 4).

Следствием этого разрыва становится переориентация российских заемщиков на иностранные источники кредита и возобновление роста внешнего долга, втягивание российской финансовой системы в порочный круг неэквивалентного внешнеэкономического обмена.

Хуже того, создаются условия для повторения валютно-финансового кризиса 2008–2009 гг. Более высокий уровень

процентных ставок в России и объективная недокапитализированность российских активов провоцируют приток иностранного спекулятивного капитала, объем которого может выйти далеко за пределы устойчивости российской финансовой системы. Одновременно возникающее ожидание девальвации рубля провоцирует бегство российского капитала в целях извлечения спекулятивной прибыли. Сочетание этих тенденций делает российскую финансовую систему крайне уязвимой перед лицом колебаний глобального финансового рынка и создает неприемлемые угрозы для экономической безопасности страны.

Проводившаяся в предкризисные годы денежно-кредитная и бюджетная политика не позволила государству своевременно инициировать развитие кластеров нового технологического уклада и тем самым создать предпосылки для опережающего развития.

Если бы профицит бюджета был направлен на цели развития, освоение имеющихся в российской научно-технической среде передовых инновационных разработок, наращивание институтов развития и стимулирование инвестиционной активности, то к моменту глобального кризиса в экономике сформировались бы растущие структуры нового технологического уклада, способные принять бегущие от обесценения капиталы и обеспечить поддержание экономического роста. В этом случае удалось бы не только избежать бегства капитала и кризисного сжатия производства, но и привлечь международные инвестиции в освоение новых перспективных ниш сбыта российской продукции на мировом рынке.

К сожалению, эти возможности были упущены — приток нефте-



долларов был перенаправлен на поддержание американских финансовых пирамид, в то время как расходы на развитие российской экономики оставались существенно ниже мировых стандартов.

Итоги политики, проводившейся в предкризисный период, свидетельствуют о том, что сами по себе механизмы рыночной самоорганизации не могут обеспечить необходимую для модернизации экономики норму накопления. В отсутствие государственной политики стимулирования прогрессивных технологических сдвигов российская экономика использовалась как донор финансовой системы США, продолжая при этом стагнировать из-за недостатка инвестиций, который лишь в небольшой степени компенсировался зарубежными прямыми инвестициями и долгосрочными заимствованиями.

В последний год Банк России свертывает работу инструментов рефинансирования, сокра-

Приток нефтедолларов был перенаправлен на поддержание американских финансовых пирамид.

щая его объемы и без того крайне незначительные по меркам развитых стран. Повышаются ставки рефинансирования, требования к международным рейтингам ценных бумаг Ломбардного списка, резко сокращен перечень системообразующих организаций, уменьшился максимальный срок ломбардного кредита с шести до трех месяцев, прекращены сделки РЕПО с акциями предприятий.

Возвращение к привязке денежной эмиссии к приобретению иностранной валюты в условиях уже начавшегося становления нового технологического уклада лишит российскую экономику возможности завоевания своей ниши в его структуре, которая при должной активизации имеющегося научно-технического потенциала может быть весьма значительной (рис. 5). Для формирования

внутренних источников долгосрочного кредитования модернизации и развития экономики необходим переход к принципиально иной политике денежного предложения, обеспеченной внутренним спросом на деньги со стороны реального сектора экономики и государства.

И все-таки те ловушки (кредитная, инвестиционная и инновационная), в которые Россия позволила себя загнать, пока не фатальны, глобальные ловушки (ликвидности, долгов и мировых дисбалансов) не менее серьезны. И это (по принципу «встречного пала», который используется в борьбе с лесными пожарами) дает нам шанс на то, чтобы не копировать чужие (американские, европейские или азиатские) решения, а, учи-

тывая мировой контекст, «выбираться своей колеей»!

При всех сценариях глобального кризиса возможности развития российской экономики будут зависеть не столько от внешних факторов, сколько от внутренней экономической политики. При реализации предлагаемых ниже мер Россия могла бы существенно улучшить свое положение в мировой экономике, добившись:

- 1) опережающего становления нового технологического уклада и подъема экономики на длинной волне его роста;
- 2) существенного усиления отечественной банковско-инвестиционной системы;
- 3) экономической стабилизации и создания зоны устойчивого развития в регионе ЕвРАзЭС и при наличии политических условий — в СНГ.

ПЭС 12185/27.12.2012

Продолжение следует